

18+

Светозарус

Образец 17-D

Кодекс Мирояра. Том 1

Светозарус

**Образец 17-D Кодекс
Мирояра. Том 1**

«Издательские решения»

Светозарус

Образец 17-D Кодекс Мирояра. Том 1 / Светозарус —
«Издательские решения»,

Геологу Артёму и лингвисту Маше предстоит пройти через сибирские курганы, где по тайге бродит Лихо Одноглазое и шепчут волоты; через затерянные храмы Перу, где Ожидающие у Врат Мачу-Пикчу призывают Ньярлатхотепа; и наконец — они попадут в ледяной ад Антарктиды, где под километрами льда их ждёт древняя машина Атлантов, биореактор плоти, который пожирает и перерабатывает плоть и души своих жертв... во что-то новое... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Оглавление	6
ЧАСТЬ I. КРИСТАЛЛ	10
Глава 1. Образец №17-D	10
Глава 2. Голос	14
Глава 3. Попутчики	20
Глава 4. Тварь в пятом вагоне	24
ЧАСТЬ II. КНИГА ЖЕЛЕЗНАЯ	28
Глава 5. Лихо одноглазое	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Образец 17-D Кодекс Мирояра. Том 1

Светозарус

© Светозарус, 2026

ISBN 978-5-0070-9248-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-9249-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

ПРОЛОГ. ГЛУБИНА 4-А

Антарктическая станция «Восток». Спустя три месяца после получения образца. Последняя запись гляциолога Глеба Круглова.

Скважина 4-А перестала быть просто скважиной на третьи сутки: после того, когда бур пробил лёд на отметке 3647 метра, он не достиг подледного озера, а провалился в абсолютную, звенящую черную пустоту. Круглов, прослуживший в Антарктиде уже двадцать лет, в чертовщину не верил. Его разум складывался из циклов замерзания льда, базальтовых кернов и неумолимой логики таблицы Менделеева. Он не был храбрым, но его что-то дёрнуло встать и пойти проверять всё лично: нужно было проверить все датчики, которые вместо ожидаемого геотермального тепла зарегистрировали не просто холод: непостижимым образом на такой глубине отсутствовала какая-либо возможность появления тепла там, где по логике оно должно было быть.

Там, в глубине, в чреве скважины, полная тишина словно обрела плоть.

Низкочастотный гул, пробивавшийся сквозь многокилометровую толщу льда, не был звуком в обычном понимании; это была вибрация, от которой зубы начинали ныть изнутри, а сердце начинало биться в чужом, архаичном ритме, будто какой-то невидимый кукловод пытался настроить его на свою дьявольскую частоту.

На этой полярной станции была экспериментальная зимовочная группа из четырёх человек: Глеб Круглов, молодой гляциолог Лёша Рябов, механик Петрович и повариха Тётя Люба. В ту ночь никто из них не мог уснуть. Подлёдный гул, почти инфразвук, вселял в них ужас и вытаскивал из сна, оставляя после себя липкий, тошнотворный страх. На отметке 4-А все приборы совсем сошли с ума. Датчики показывали минус восемь, хотя на такой глубине лёд должен быть теплее. Но он был холодным.

Когда фонарь осветил стены, Глеб Круглов моргнул, протирая запотевшие очки, стараясь не верить увиденному. Но разум и глаза не подвели: видение стало лишь чётче. Перед ним взамен льда предстала живая плоть. Мерцающая, полупрозрачная, тёмная плоть была пронизана

пульсирующей сетью капилляров, по которым текла зеленоватая, фосфоресцирующая сукровица. Сама она дышала: втягивала воздух и выдыхала его с влажным, отвратительным, чавкающим звуком, от которого по коже ползли мурашки и спина становилась холодной.

Запах проникал повсюду — смесь озона, формалина и сладковатого, тошнотворного аромата гниющей плоти. Но хуже всего был второй запах — тот, что, казалось, исходил из самого Круглова. Запах его собственных, давно похороненных воспоминаний. Запах серы.

Круглов взял образец — искрящийся, чёрный в свете фонаря кусок, похожий на обсидиановый кристалл. Образец начал таять в руке, но не превращался в воду. Талая субстанция текла вверх, против гравитации, собираясь в крохотные, переливающиеся шарики, которые двигались так, словно обладали собственным, чуждым интеллектом.

А потом стена открыла глаза.

Сотни глаз — разных размеров, разных форм: человеческие, звериные и такие, каких не бывает ни у одного земного существа. Они все смотрели из толщи льда, не мигая, и в каждом зрачке этой твари Круглов видел своё отражение — искажённое, обезумевшее, кричащее.

Из стены медленно вытекла тёмная фигура — она сочилась, как гной из прорвавшегося нарыва, собираясь в трёхметровый столб переливающейся, маслянистой протоплазмы. Столб наконец сформировался. Он был без лица, но Круглов всей кожей чувствовал, что он улыбается. Она не издавала звуков, но он слышал её звонкий смех — внутри своей головы, в каждом нейроне, в каждом синапсе.

— Глеб, ты меня слышишь? — голос Рябова в рации дрожал. — У нас тут... тётя Люба говорит, что видела, как тень прошла сквозь стену. Она... она плачет кровью, Глеб. Из глаз. Настоящей кровью.

Круглов не смог ответить по рации.

Он не мог этого сделать: его горло и всё тело сдавила ледяная хватка. Шарики на его ладони вдруг синхронно, как ртуть, слились в некую массу, и все они брызнули вверх, к его лицу. Он вдохнул их все, не успев задержать дыхание.

Мир сломался на станции «Восток».

Свет от фонаря потускнел. Стены скважины пошли рябью, скручиваясь в бесконечные рваные проходы. Круглов оказался посреди ледяной пещеры, которая возникла из ниоткуда. Её свод терялся в зеленоватой вышине. Повсюду, куда хватал взгляд, возвышались циклопические, оплавленные соты — идеальные шестигранники размером с человека, от которых веяло холодом вечности.

Рация продолжала шипеть. Сквозь шум прорывался голос, но это был не голос Рябова. Голос принадлежал его жене, умершей двенадцать лет назад. Она быстро говорила о том, как он не успел попрощаться, как она ждала его в пустой больничной палате одна. Потом голос сменился хрипом новорождённого сына, который так и не родился, не сделал первого вдоха.

«Гле-е-еб... — протянул голос жены, но теперь он доносился из самой твари, что стояла перед ним. — Ты же не оставишь нас снова? Ты же не уйдёшь, как в тот раз?»

Из плоти вытянулась рука, похожая на змею — тонкая, с пугающе длинными пальцами. Вместо ногтей на кончиках каждого пальца были крошечные, сосущие рты. Рука потянулась к его лицу.

«Дай я тебя поцелую, — прошептала жена милым голосом, который доносился из всех этих ртов. — Дай я покажу тебе, что такое настоящий покой».

— Кто ты?! Что ты такое?! — прохрипел Круглов, чувствуя, как прокусывает губы до крови...

Тварь издала звук — низкий, вибрирующий, похожий на гудение включённого трансформатора. И Круглов понял: она ему отвечает. Слов он не услышал. Но увидел образы, впрыскиваемые прямо в кору его мозга.

Он увидел циклопический город. Он выглядел как исполинский некрополь. Здания уходили вверх на сотни метров — гладкие, оплавленные, переливающиеся тем же маслянистым блеском, что и тварь. Между ними — соты-шестигранники из скважины, но здесь они были живыми: из каждой ячейки сочились зелёная фосфоресценция, и внутри, за тонкой полупрозрачной кожей-стенкой, Круглов различал силуэты. Прекрасные, выстроенные из того же материала, что и соты вокруг. По его улицам текли реки, в которых вместо воды струилась та самая маслянистая чёрная субстанция. А небо освещали два светила — одно бело-жёлтое, как наше солнце, другое — кроваво-красное. Его взору открылась картина, описывающая население этого города. Он был населён существами. Они были внешне похожи на людей: прямые спины, две руки, две ноги, голова на шее — и всё сходство кончалось на этом. Их кожа отливала серебром, но серебро было с синеватым оттенком, как у трупа, пролежавшего в холодной воде месяц, или сине-серым — цветом старого льда, в который вмёрзла грязь. Их тела были непропорциональны: слишком длинные руки, слишком тонкие талии, черепа, вытянутые вверх, как у эмбрионов. Они не носили никакой одежды — их кожа сама мерцала, переливалась, иногда становилась почти прозрачной. Под ней Круглов видел не мышцы и кости, а что-то текучее, жидкое, что медленно перемещалось внутри. Все они были выше людей, раза в два, почти до пяти метров ростом. О твари, познавшие вкус чёрного песка! И тут он увидел такую тварь с множеством глаз. Тварь была не монстром у древних — она была инструментом для плоти и создателем новых любых форм жизни, биореактором. Той, что перерабатывала мёртвый город в новые формы.

Шоггот — фабрика жизни и смерти, которая работала без остановки, превращая погибших сине-серых великанов в маслянистую субстанцию, а потом субстанцию — в соты, а соты — в новые тела, и тела можно было изменять, так же, как и тип создаваемого животного. Круглову пришла мысль — как молния: это древний Кеор. Это он был мегаполисом погибшей древней расы.

Потом пришёл страх и ужас. Существа-великаны на мостах вдруг все начали кричать — беззвучно, но Круглов слышал все их крики каждой клеткой своего тела. Их кожа начала трескаться, из разрывов вытекала та же субстанция, что была в скважине. Жуткие муки пронзили его грудь колом и, выпустив кишки, намотали их на камень жертвенника. Шоггот поглощал не только тела, но и их души, перестраивал, переваривал, превращал всё в нечто текучее, в бесформенную массу плоти.

Город шумел и рушился, сползая в океан.

Шогготы, их творения, их слуги, их фабрики, их рабы взбунтовались — что-то пошло не так.

Круглов это понял: это была не атака, это был акт творения существ, вышедший из-под контроля. Шогготы не просто убивали — они хаотически пересоздавали всех живых существ, всех, которых видели. Они пробовали реальность на вкус.

Увидев древний, прекрасный и погибший мир, Круглов потерял всю ценность своего собственного мира (жена, сын, наука). Он понял, что «вся наша жизнь — это иллюзия презрения», ибо он познал разумом подлинную брэнность и нечестивую игру творения и спустился в хляби болот.

И сейчас эта фабрика смотрела на Круглова, и она ждала. Она была уже не миф. «Ты понял, — прошептала тварь всем своим существом, — теперь твоя очередь».

Шоггот. Фабрика жизни и смерти.

Он закричал. Он кричал так, что сорвал голос, хрипя и захлёбываясь слюной. Но никто наверху его не услышал. Потому что рация передавала не его крик, а тихую, умиротворённую колыбельную, которую пел тысячеголосый хор.

— —

Станция «Восток» содрогнулась. Лёша Рябов сидел у мониторов. Стрелки приборов зашкаливали, рушились в ноль.

Свет погас.

В темноте, нарушаемой лишь аварийным рубиновым огнём, он слышал шаги. Медленные. Шаркающие. Приближающиеся к двери.

Дверь медленно открылась. На пороге стоял Глеб Круглов. Он был бледен, словно выпитый досуха, но глаза его светились тем же болезненным зеленоватым светом, что и подлёдная пещера. Он дико улыбался. Улыбкой, в которой, как показалось, было слишком много зубов.

— Лёша, — сказал он голосом, в котором звучала тысяча других голосов, мужских, женских, детских, — ты только посмотри, как красиво. Я всё понял. Вся наша жизнь — это черновик. А у меня теперь есть оригинал.

Он поднял руку. Рябов увидел: пальцы текут. Плоть сползает с костей. Превращается в ту самую маслянистую субстанцию, что он видел в отчётах Круглова.

Лёша закричал.

К тому моменту, когда из Мирного вылетел вертолёт, на станции «Восток» не осталось никого, кто мог бы внятно объяснить, что произошло. Петрович сидел в углу дизельной. Раскачивался. Повторял одно слово: «одноглазый, одноглазый, одноглазый».

Тётя Люба, седая, как лунь, молча перебирала чётки, глядя в стену.

Лёша Рябов пропал. Его тело нашли через сутки. В расщелине. В трёх километрах от станции. Он шёл босиком по льду, при минус шестидесяти пяти. Шёл с закрытыми глазами — и улыбался.

А Глеб Круглов остался в скважине 4-А.

Сидел в полной темноте, прислонившись спиной к ледяной стене. Смотрел прямо перед собой. Глаза открыты. Радужка исчезла. Белок стал серым. На губах застыла та же улыбка.

Когда его тело подняли на поверхность, судмедэксперт констатировал смерть от остановки сердца. Но он так и не смог объяснить, почему лёд вокруг скважины за шесть часов покрылся тонким слоем органической слизи, в которой под микроскопом были видны клетки, содержащие человеческую ДНК. И почему в мозге Круглова, при всей его внешней целостности, обнаружены миллионы микроскопических полостей — словно что-то выело его изнутри, не оставив ни единого невредимого нейрона. Ни о жене, ни о сыне, ни о двадцати годах, прожитых во льдах — ничего. Пустота.

На столе в его каюте остался включённый диктофон. Запись длилась ровно три минуты. Когда её прослушали, слышали только один звук — низкий, вибрирующий гул, в котором, если вслушаться, можно было различить три слова на языке, вышедшем из употребления двадцать тысяч лет назад.

Маша Соболева, получив запись, опознала язык мгновенно. Это был протоатлантский. И слова эти значили: «Я возвращаюсь. Готовьтесь».

ЧАСТЬ I. КРИСТАЛЛ

Глава 1. Образец №17-D

Тишина в кабинете. Уже не та, что в три ночи, когда город засыпает. Другая. Густая, живая. Она жила в кабинете Артёма Шаховского днём и ночью. Глушила шум за окном, гудение машин, голоса студентов. Поселилась три года назад.

Въелась в стены.

Впиталась в запах старой бумаги и пыли. И с тех пор не отпускала.

Артём любил работать один.

В научной лаборатории на четвёртом этаже Института геологии и минералогии было сейчас пусто: коллеги все разъехались по разным экспедициям, кто куда. И был тут только его стол, заваленный образцами, будто баррикада, которая отгораживала его от всего мира, и где он сам, в тишине и спокойствии, продолжал свою работу.

Люминесцентная лампа над головой уныло мигала, отчего ныли его виски и ещё где-то в коридоре громко тикали старые настенные часы, и этот звук казался Артёму единственной привязкой к реальности происходящего.

Антарктический загадочный образец, обозначенный **маркировкой №17-D**, доставленный ему неделю назад, лежал сейчас под микроскопом. Артём старательно изучал его уже пятый час, забыв обо всём на свете — про обед, про сон, про всё, что не касалось этой чёртовой скважины 4-А.

Он не подозревал о трагических событиях в Антарктиде и не знал, что данная информация засекречена на уровне, какого не было со времён Чернобыля, обо всём, что случилось на станции «Восток» и что его учителя Круглова уже нет в живых.

Он просто смотрел в окуляр лазерного микроскопа и видел нечто, что ломало его логику и весь здравый смысл.

Под поляризованным светом образец №17-D выглядел как наглое издевательство над всеми законами физики. Это не была горная порода, не был застывший кусок органики. Кристаллическая решётка образца, если её можно было так назвать, представляла собой фрактальную, сверхсложную структуру, напоминающую то ли нейронные связи, то ли корневую систему ядовитого гриба, или же открытый код РНК.

Но самое страшное было не в этой форме.

Артём несколько раз моргнул, протёр уставшие глаза, не веря в то, что происходит, и снова прильнул к окуляру.

Он увидел, что структура у образца внезапно сама стала меняться. Образец стал неожиданно реагировать на наблюдение и преломлять свет — он осознанно за ним следил. Ячейки то сжимались, то расширялись с медленной, тягучей пульсацией, словно образец начал сам дышать. Артём выругался и дрожащей рукой нажал кнопку цифрового микроскопа, чтобы сделать ещё снимок. На мониторе вспыхнуло изображение, но вместо фотографии чёткой решётки экран предательски покрылся цифровой рябью, и в центре кадра, словно насмешка, проступило размытое, абсолютно чёрное пятно, подозрительно напоминающее человеческий зрачок, что стало пугать ещё больше.

Артём ещё смачно выругался и отодвинул стул. Сердце бешено колотилось, где-то в горле встал ком.

Образец №17-D был в виде жидкости, он был доставлен в крио-контейнере: триста граммов. Триста граммов веса, всего двести семьдесят миллилитров тёмно-красной субстанции. По документам — проба воды из подлёдного озера, до которого смог достать бур. Он был на глубине более 3600 метров под толщей вечного льда.

Артём знал этот ледник как свои пять пальцев. Знал, что под ним нет озера. По крайней мере, не должно было быть, так как нет доказательств его существования.

Он поставил чайник, чтобы заварить себе чай, и тогда запищал его сотовый телефон.

Резкий, неожиданный, пронзительный звук звонка разорвал тишину кабинета лаборатории, заставив Артёма вздрогнуть так, что он едва не опрокинул чашку кофе на себя. В этот момент он подумал, что стоит всё-таки поменять мелодию на своём сотовом телефоне. Входящий номер был незнакомым и международным.

— Шаховский слушает.

— Артём Валерьевич? — голос в трубке был сухим, металлическим, лишённым всяких эмоций. — Это капитан Зарубин, служба безопасности станции «Восток». Вы знали гляциолога Глеба Круглова? — Знал? — переспросил Артём, чувствуя, как холодок пробежал по его спине, оставляя на коже неприятные мурашки. — Да, мы работали с ним вместе пять лет. Он мой учитель. Почему вы сказали «знали»?

Трубка помолчала. Слышно было лишь слабое шипение помех. Потом капитан произнёс то, что Артём не мог осознать ещё несколько часов после разговора:

— Глеб Сергеевич погиб. Обстоятельства выясняются. Мы нашли его на дне скважины 4-А. Перед смертью он оставил аудиозапись, адресованную лично вам.

Артём сел. Чайник закипел и отключился с резким щелчком. Тишина в кабинете сгустилась и стала почти вязкой, или как туман перед грозой.

— Какую запись? — спросил он, и собственный голос ему показался совсем чужим, хриплым и сухим.

— Аудиозапись и ещё кое-что. Мы высылаем вам курьерской спецпочтой контейнер с вещами Круглова. Там же будет образец. Он его... он его взял прямо перед смертью. Сказал, что это важно. Сказал: «Отдайте Шаховскому, он всё поймёт». Артём ничего не понимал. Но страх уже пополз по позвоночнику, липкий и холодный, как тот самый лёд, который Круглов бурил годами.

Посылка пришла через три дня. Тяжёлая, обмотанная слоями серого скотча. Артём открыл её в три часа ночи, когда здание опустело и охранник на вахте дремал над своим журналом со сканвордами.

Внутри, среди шуршащей крафт-бумаги, лежали: старый блокнот с вытертыми до дыр углами, он пах табаком и резким запахом пота; полустёртая ручка; и маленькая фотография, где Круглов с женой и сыном, сделанная двенадцать лет назад, ещё до того, как погибли его жена и сын; и один герметичный контейнер.

Артём потянулся было к контейнеру, но резко отдернул руку. От него исходил холод. Не просто прохлада металла, а настоящий, обжигающий, лютый мороз, который, как казалось, проникал сквозь пластик и кожу и стремился к костям.

Внутри контейнера лежала единственная капсула. Стекло, металл, вакуумная запайка. А в капсуле — то, чего не могло существовать в природе. Частица льда, которая не таяла при комнатной температуре. Частица, которая светилась изнутри слабым, болезненно-зелёным тошнотворным светом — свет пульсировал в такт ударам его собственного сердца. Сердца Артёма.

И ещё там была она — маленькая диктофонная кассета. Старая, потрёпанная, из тех, что Круглов всегда таскал с собой ещё в девяностые, не доверяя цифре и смартфонам. Артём взял её, вставил кассету в плеер, который ему пришлось искать в пыльном ящике, тут, в лаборатории, надел старые наушники и нажал кнопку «плей».

Пошла запись. Сначала была тишина. Абсолютная, звенящая пустота.

Потом пошёл гул.

Он начался с низкой, почти неслышной вибрации, от которой заныли зубы. Она нарастала, проникая сквозь наушники, сквозь кости черепа, впиваясь в самый мозг и его суть. Артём хотел снять наушники — но не смог. Его руки не слушались, пальцы одеревенели, превратившись в чужие, непослушные прутья. Он мог только слушать и слышать этот противный звук. Он сидел как под гипнозом, с одной стороны осознавая, где он и что он, а с другой — растворяясь в этом проклятом звуке.

А потом гул резко превратился в голос, а точнее, в тысячу разных голосов, слитых в один хриплый, многослойный шёпот. Голоса говорили на языке, которого Артём не знал, но каждое слово отпечатывалось в его сознании, как раскалённое клеймо на коже. Это был древний, нечеловеческий язык. Язык, на котором говорят камни и лёд.

Он не помнил, сколько это длилось. И тут Артём осознал... осознал язык: «И да не помыслишь ты вовек, что одиноки мы в холодной тьме. Ибо речено Старцами: когда звёзды встанут в знак Водолея, пронесутся Древние от звезды к звезде, сея жизнь в пустоту. Множество дивных эпох творился мир наш из льда и хаоса. До времён человеческих Старцы со звёзд явились в сей мир мёртвых морей на крылах диковинных, что не бились прежде над просторами Запределия. Да, иные из них до сих пор ждут часа, дабы расправить их, когда прозвучит призывание из глубин. И создали они слуг своих, Шогготов — тёмных отпрысков Древних, биореакторов плоти. И твари сии были воском податливым и учились говорить, подражая

хозяевам своим, и пересоздавать материю по воле их. И явилось за ними скопище плоти без главы иль членов, что в свитках Кеора наречено *Источником*. И породило оно серых, лишённых очертаний тритонов-титанов, волотов с даром неуязвимости, в хладных мёртвых морях мира сего, из коих вся жизнь возникает и в кои вся жизнь возвращается. И сотворил Источник, отец Шогготов, племена великие, кои оставили писание своё, в коем мудрость, на добытых со звёзд камнях, что ныне спят подо льдами.»

Минута? Час? Время потеряло смысл, растворившись в этом зелёном, пульсирующем кошмаре. Когда запись закончилась и щёлкнула кнопка «стоп», он обнаружил, что сидит на полу, прижавшись спиной к холодной стене и ничего не помнит, что было минуту назад. Из носа текла кровь. Капля упала на белый халат. Она была красной, густой — точно такой же, как тот самый образец №17-D, что теперь пульсировал в такт его бешеному сердцебиению.

Он не знал, что это значит. Но знал одно: ему срочно нужен лингвист. Причём самый лучший, кто есть в Академгородке.

Иначе этот голос сожрёт его изнутри.

Глава 2. Голос

Мария Соболева, как обычно, не спала в ту ночь. Она и сейчас работала, особенно когда в её руки попадал новый, непрочитанный текст, который нужно расшифровать и перевести. И вот, в час ночи она сидела в своём кабинете на третьем этаже Института филологии, сидела, сгорбившись над свежей распечаткой шумерских клинописных знаков из Эрмитажа, и в ней что-то не сходилось. Три знака в конце таблички стояли там, где им не положено было стоять по всем известным грамматическим канонам, и она механически грызла кончик карандаша, как делала всегда для отвлечения мыслей от главного — от того секрета, что не поддавался расшифровке.

Маша была хороша собой той строгой, бледной красотой, которая появляется у людей, живущих при свете ламп и в пыли архивов. На ней был растянутый свитер, пахнущий кофе и старыми книгами. Она не красилась или делала это очень редко — в её мире мёртвых языков это было ни к чему. Но в её лице, при свете лампы казавшемся бледным, было что-то цепкое, живое. За такими, как она, не идут на край света. Ради них готовы прыгнуть в ледяной прорубь.

Она отложила карандаш и потянулась к чашке с остывшим кофе. Кофе был горьким, с пенкой — как всегда. Можно сказать, Маша и кофе были неразрывным целым. Кофе она любила.

За окном выл ветер, но в самом кабинете стояла своя, особая атмосфера. Мир мёртвых языков.

Наступило утро.

Когда в дверь постучали, она вздрогнула так, что сломала грифель карандаша. Стук был неуверенным, тяжёлым и глухим — словно в дверь били не костяшками пальцев, а чем-то тупым и деревянным.

На пороге стоял мужчина лет тридцати пяти. Высокий, немного сутулый, с воспалёнными, красными от недосыпа глазами. Он тяжело дышал, и от него пахло озоном, серой и чем-то ещё — сладковатым, металлическим запахом запёкшейся крови. Он достал из рюкзака старую аудиокассету и небольшой контейнер, от которого шёл почти видимый, искривляющий воздух холод. Он посмотрел на Машу, и она увидела в его взгляде усталость и первобытный, животный ужас.

— Вы Мария Соболева? — спросил он. Его голос хрипел, срывался и заикался. — Я Артём Шаховский. Мой учитель погиб и оставил мне необычный артефакт. И мне нужно, чтобы вы попробовали перевести то, что он записал перед смертью. Мы работали над одним проектом.

Маша сняла очки, протёрла их краем свитера и молча отступила от двери, пропуская его внутрь. Ей было только тридцать три года, но за её плечами — двенадцать мёртвых языков, клинопись на черепках, и не раз она видела, как люди сходили с ума, запутавшись в древних тайнах. Но ещё ни один текст не приводил в её кабинет такого, настоящего ужаса.

Артём поставил контейнер на стол. Пластик тут же покрылся инеем за считанные секунды. Маша почувствовала, как холод пополз по столешнице к её пальцам, она была очень удивлена, так как ни разу такого в своей жизни не видела, и очень заинтересовалась всем происходящим. Артём протянул ей аудиокассету.

Она взяла и вставила кассету в старый плеер, который Артём достал из кармана, надела наушники и нажала кнопку «плей».

Первый раз она услышала только шум в наушниках. Низкий, вибрирующий гул, от которого заныли её виски. Она уже хотела снять наушники, но на второй минуте шум начал структурироваться и нарастала мощность звука. И вдруг пошла речь. Это не был человеческий голос. Фонемы складывались в слоги, которые человеческий гортанный аппарат не мог бы произнести без того, чтобы не сломать челюсть.

Маша нажала кнопку «стоп» на плеере. Её руки дрожали. Во рту всё пересохло. — Артём Валерьевич, это не розыгрыш? Не монтаж? Что это такое?

— Нет. Я сам это слушал, полная чертовщина.

Она нажала «плей» во второй раз. На этот раз она закрыла глаза и попыталась отключить эмоции, включив чистый, холодный анализ. Синтаксис. Морфология. Грамматические связи. И чем глубже она погружалась в структуру языка, тем сильнее её накрывала тошнота и слабость, возникало ощущение, что произнесение этих звуков лишает жизненной силы её душу, и она уходила вместе с этими словами в пустоту. Язык не подчинялся законам простого времени. Глаголы в нём не имели прошедшего и будущего — они описывали состояния, которые происходили всегда и никогда одновременно, то есть всегда и сейчас.

Когда запись наконец закончилась, Маша открыла глаза. Кабинет ей показался совершенно чужим. Тени в углах стали гуще и темнее. Ей казалось, что из темноты в углу кабинета, за её спиной кто-то наблюдает за ней.

— Артём Валерьевич, — прошептала она, и голос её звучал так, словно принадлежал не ей. — Я не знаю, как вам это сказать. Этот язык существовал до шумерского, до египетского,

до всех языков. Он был прежде, чем всё создавалось, до всего, что мы знаем по официальной истории.

В узких кругах его называют протоатлантским. Есть считанные, фрагментарные упоминания на керамике и камне, также наскальные рисунки, петроглифы, которые расположены в устье реки Выг — «Бесовы следки», Залавруга, что в Карелии, они выбиты в граните, но все они не поддавались расшифровке. Никто не слышал, как он звучит, уже восемнадцать тысяч лет.

Маша подняла на него глаза. В них не было страха. В них стояло понимание всего лишь части всего того общего, которое было страшнее любого страха и правды. Понимание того, что всё человечество — это лишь случайная ошибка в чужом, безжалостном уравнении переменных, в мощном тумане древнего знания.

— Три слова, — сказала она, и по её щеке скатилась слеза, хотя она не чувствовала печали и страха. Только холод во всём кабинете. — Что я смогла понять, так это слова: «Я возвращаюсь. Готовьтесь».

Артём медленно перевёл взгляд на контейнер. Что-то внутри, до этого тускло мерцавшее, вдруг вспыхнуло ярким, болезненно-зелёным светом.

И тогда он впервые за три года понял: тишина в его кабинете, которая сводила его с ума все эти месяцы, она была ожиданием чего-то большего в его маленькой жизни. Маша не спрашивала, почему он не обратился в полицию или хотя бы в деканат. Она понимала без слов: то, что они услышали, не предназначалось для официальной науки. Это знание было иного, опасного порядка.

Кристалл лежал на чёрной лабораторной подставке. Свет от настольной лампы преломлялся в кристалле — и он отбрасывал на стены зеленоватые, медленно пульсирующие блики. Маша сидела напротив, подперев подбородок ладонью, не сводя взгляда с артефакта.

— Расскажи мне о кристалле, — попросила она, не поднимая глаз. — Всё, что знаешь.

Артём пожал плечами, потирая затёкшую шею.

— Почти ничего о нём не знаю. Круглов, мой учитель, добыл его из скважины на глубине три тысячи шестьсот метров. Это не минерал, точно. Спектрометр не опознаёт его структуру кристалла, он выдает ошибку. Химический анализ показал наличие углерода, железа и ещё десятка элементов, которые не должны собираться в такую решётку и не известны науке. Я бы сказал, что он из органики, но у органики не бывает такой твёрдости. И такой температуры.

— Какой температуры?

— Он всегда холодный. Не важно, держу ли я его в руке или кладу в криостат. Его температура постоянна — ровно минус восемь градусов по Цельсию. Всегда. Он не нагревается. Такое ощущение, что, он забирает тепло.

Маша медленно протянула ладонь. Артём помедлил, но потом взял кристалл двумя пальцами и опустил ей в руку. Она вздрогнула, но не отдернула свою руку. Пальцы её побелели. Она смотрела, как зелёные искры внутри начинают двигаться быстрее, складываясь в сложные, бешеные узоры.

— Он реагирует на прикосновение, — прошептала она. — Смотри. Когда ты его держал, пульсация была примерно раз в две секунды. Теперь — четыре. Он чувствует меня. Артём, он *считывает* меня.

— Глупости, — отрезал он, но голос его дрогнул. — Это кристалл, Маша. У него нет нервной системы, он не живой.

— Кристалл так не может, — согласилась она, осторожно кладя артефакт обратно на подставку. От её ладони остался лёгкий, инеевый отпечаток. — А то, что заперто внутри него, — может.

Она потянулась к клавиатуре. На мониторе была программа спектрального анализа, в которую она загрузила данные, полученные от Артёма ещё вчера.

— Я сравнила структуру твоего образца с базой данных по всем известным минералам и сплавам. Не нашла ни одного совпадения, из всех известных. Тогда я решила пойти другим путём. Я посмотрела на него не как на материю, а как на информацию, которая записана в кристалле.

Она развернула монитор к Артёму. На экране монитора светилась сложная трёхмерная модель кристалла. Тут были спирали, пересекающиеся под невозможными углами, образующими решётку, похожую на пчелиные соты, но вывернутые в четвёртое измерение.

— Это его кристаллическая структура. Видишь? Она не трёхмерная. Она почти четырёхмерная. Понимаешь, что это значит?

— Такая структура не может быть создана ни одним известным нам способом. Она могла быть создана только в условиях, где физические законы отличаются от наших. Или...

— Или?

— Или её создал кто-то, кто умеет эти законы обходить. Кто-то, для кого наше пространство — это просто глина.

Она нажала на другую вкладку. На экране появилась та же самая спираль, но теперь она была расчерчена тонкими, вибрирующими линиями, образующими подобие письменности.

— А теперь самое интересное. Я наложила на эту структуру лингвистический алгоритм. Тот самый, который использую для расшифровки мёртвых языков. Смотри.

Линии на спирали начали медленно перетекать друг в друга, они начали формировать символы, которые Артём никогда не видел в своей жизни, но которые, как ему смутно показалось, были ему знакомы. Они напоминали шумерскую клинопись, но куда более древнюю. Будто кто-то вырезал их на камне до того, как всё человечество придумало само слово «камень».

— Это протоатланский, — сказала Маша. Голос её был сухим. — Тот самый язык, который звучит на записи Круглова. Твой «образец», Артём Валерьевич, — это не жидкость. Это текст. Зашифрованный в четырёхмерной решётке, которая проецируется в трёхмерное пространство, каким-то образом.

В кабинете повисла тишина. Та самая, которая уже стала привычной для Артёма за последние три года. Теперь он слышал в ней шёпот. Миллиарды голосов, застывших в зелёном свете.

— Что он говорит? — спросил он.

Маша покачала головой.

— Я не знаю. Чтобы его перевести, мне нужен дешифратор, нужен ключ. Без ключа это просто набор символов. Но я знаю, где его искать. Круглов упоминал какую-то «Книгу Железную»?

— Нет. Никогда.

— В записи, после того как гул стихает, есть ещё один слой. Тихий. Его почти не слышно за основным голосом, он идёт на субгармонической частоте. Я его выделила, очистила от шумов. Там Круглов говорит шёпотом. Но интонация... интонация не его. Он говорит: «Найди Книгу Железную. Без неё не прочтёшь. Старообрядцы на Севере хранят ту. Спроси Ефима. Скажи, Глеб прислал. Он поймёт».

— Откуда Круглов знал о какой-то книге и почему эта информация записана в кристалле? Он же был геологом на станции, непонятно.

— Я не знаю, — ответила Маша.

Маша решила не уходить этой ночью. Они оба сидели на холодном полу её кабинета, прижавшись спинами к стеллажам с мёртвыми языками, и пили чай и искали информацию в разных книгах. Кристалл лежал между ними на стопке распечаток, и его зелёный свет пульсировал всё медленнее, словно тоже успокаивался.

— Ты ведь останешься сегодня? — спросил Артём, глядя не на неё, а на свои руки, которые всё ещё дрожали после прикосновения к кристаллу.

— А ты боишься остаться один? — тихо ответила она.

— Я боюсь, что если сейчас уйду, то завтра уже не вспомню, зачем мне всё это нужно.

Артём поднял глаза.

— Круглов говорил, что забыл лицо своей жены. Я не хочу забыть твоё лицо. Маша протянула руку и легко коснулась его щеки. Рука была холодной, но прикосновение — тёплым.

— Не забудешь, — сказала она тихо. — Я тебе не дам забыть.

— Я серьёзно, — прошептал он. — Иногда мне кажется, что время и воспоминания утекают куда-то. Лица, голоса, события... как вода сквозь пальцы.

— Это просто усталость, — сказала она. Она ничего больше не сказала. Просто придвинулась к нему поближе, и впервые за долгое время у него пропало ощущение одиночества.

Они не говорили о прошлом, не говорили о будущем и настоящем. Они вообще не говорили ни о чём в этом кабинете, где пахло старыми книгами и её духами, и есть в этом что-то настоящее и живое. Он поцеловал её — сначала осторожно, словно пробуя её на вкус, потом глубже и смелее, отчаяннее, как будто время его поджимало. Маша ответила.

Маше снилась белая степь. Она стояла посреди бесконечной снежной равнины, и ветер, который там дул, ей не был страшен. Рядом с ней стоял Артём — он смотрел далеко вперёд, туда, где за горизонтом поднимались гигантские циклопические башни из чёрного обсидиана. Тут вдруг появилась женская фигура. Маша не узнала её сразу — но потом поняла, что это та самая женщина с веретеном, что мелькала периодически на страницах «Книги Железной». Это была Макошь. Она не выглядела грозной, она шла навстречу, улыбаясь им обоим. Она подошла к ним и коснулась обоих плеч — сначала Артёма, потом Маши. Это ваш путь. Красный Дракон может проснуться подо льдом, а его слуги уже здесь. Вы должны найти Книгу первыми. Она спрятана в лесах, где живут те, кто помнит мой язык. Там вы найдёте ответы и оружие.

— Как нам туда добраться? — спросил Артём во сне, чувствуя, как ветер стихает вокруг них. — Тот, кто смотрит за вами, уже позаботился об этом, — улыбнулась Макошь. — Идите на Север. Там, где Белое море встречается с лесами. Не бойтесь. Вы не одни. Она растаяла в снежной мгле, оставив после себя только запах сухих трав и мокрой сосновой коры и немного запаха свежей земляники. А потом был обрыв — и яркий, слепящий свет утреннего солнца.

Проснулись почти одновременно. Они лежали на полу, на импровизированной кровати из курток, Артём прижимал к себе Машу, укрывшись её курткой. Холодный пол уже, и не был таким уж ледяным. Он чувствовал тепло дыхания Маши на своей шее. Она мирно спала.

— Ты видела сон? Что тебе снилось? — хрипло спросил он. — Макошь? — Маша кивнула, потирая виски. — Да, она сказала про Книгу. Про Север. Про леса. И про то, что кто-то уже всё устроил и будет нам помогать.

Артём сел и потянулся за телефоном. Экран сотового светился с непрочитанным уведомлением — новое сообщение от неизвестного номера. Артём нахмурился и открыл его. «Уни-чтожьте там всё! Деньги на все расходы уже переведены на твою карту. Не ищите нас, мы сами вас найдём. Ваш тайный покровитель. Действуйте!». Рядом с сообщением был файл — маршрут до Архангельска. Артём проверил баланс. Сумма была такой огромной, что хватило бы не только на поезд, но и на подготовку целой экспедиции вокруг света.

— Кто это? — прошептала Маша, заглядывая ему через плечо.

— Не знаю. Но они знают про нас. Про Книгу. И про то, что мы должны сделать. Он посмотрел на неё. В её глазах не было страха — только твёрдая решимость, которая, казалось, стала общим для них чувством.

— Значит, едем на Север, — сказала Маша. Артём сжал её руку. — Едем. — Искать этого Ефима. Искать Книгу. Иначе мы так и будем гадать, пока это... не начнёт гадать на нас. — Она кивнула на кристалл.

В этот момент в коридоре слышались шаги.

Тяжёлые, размеренные, синхронные. Много шагов. Артём и Маша переглянулись. В пять часов утра в здании Института филологии не могло быть никого, кроме охранника на вахте. Но охранник не ходит в компании трёх человек в тяжёлых, прорезиненных ботинках.

И охранник не пахнет озоном и оружейной смазкой, как те, кто сейчас приближался к их двери.

— Уходим, — произнёс Артём.

Он схватил контейнер с кристаллом и сунул его во внутренний карман куртки. Холод от него мгновенно прошёл сквозь ткань, и он ощутил холод своими рёбрами. Маша выключила монитор, сгребла распечатки в рюкзак. Шаги приближались. Кто-то толкнул дверь в конце коридора. Скрипнули петли.

— Быстрее. На пожарную лестницу! — прошептала — прошептала Маша, указывая на лестницу. — Пошли.

Они выскользнули на пожарную лестницу, когда их дверь в кабинет с грохотом распахнулась. Артём успел заметить женскую фигуру в чёрном комбинезоне, её лицо было скрыто в тени, но он почувствовал на себе её взгляд — тяжёлый, пустой и злой, готовый убить. Они спрыгнули на пожарную лестницу, скатились вниз, обдирая ладони о ледяные, ржавые поручни.

Они бежали по заснеженной улице, пытаясь осмыслить то, что сейчас произошло.

— Кто это был? И что они хотели от нас? — спросила Маша. Она была на грани паники, и её трясло.

— Я не знаю. Но они знали, где нас искать. Значит, знают, вероятно, и про кристалл. И про Книгу. Они приходили за нами.

Он остановился и взял её за руку. У нас есть план, и мы знаем, куда нужно ехать.

— Поехали. В поезде посним и отдохнём — сказала Маша.

— Да, поедem в Архангельск. Искать Ефима.

Маша кивнула и сжала его руку — холодную, но надёжную. Её собственная дрожала, и дело было не в морозе.

Через час Маша и Артём были уже на вокзале. Им повезло — билеты были. Артём купил билеты в купе на поезд «Новосибирск — Архангельск». В кармане у Артёма был кристалл, а в рюкзаке Маши лежали распечатки с первыми, ещё не расшифрованными символами из её сна.

Глава 3. Попутчики

Поезд «Новосибирск — Архангельск» отправился в девять вечера. Небо затянуло плотными серыми облаками, но снег пока не шёл. Вот-вот должен был начаться.

Маша и Артём не стали брать билеты на самолёт — опасались слежки. И ещё они боялись снова попасться тем людям, которые приходили за ними в институте. Вместо самолёта они купили билеты в обычное купе, рассудив, что в вагоне, где в коридоре постоянно толпятся курящие пассажиры, а двери купе закрыты, проще всего остаться незамеченными. Чужие здесь не задают лишних вопросов, а чтобы найти конкретное купе, придётся проверить каждое, привлекая внимание пассажиров.

Артём сидел в купе, прижимая к груди рюкзак. Даже через плотную нейлоновую ткань он чувствовал, как кристалл пульсирует. Ткань насквозь промёрзла, и кристалл всё пел, как ему казалось, низким, инфразвуковым звуком, который проходил сквозь мышцы, сквозь кости, проникая в самую структуру его ДНК.

Ему было очень холодно. Руки немели, словно в ладони держали куски льда.

И он думал, зачем ему всё это и зачем они куда-то едут. Объяснения не было.

Маша дремала напротив, положив голову на подушку, свернувшись калачиком на полке, и во сне её лицо искажалось — она видела сон, видимо, опять страшный.

Всю прошлую ночь они провели в зале ожидания, по очереди стерегли сон друг друга, как загнанные звери, чувствующие, что капканы расставлены везде, где они могут быть. Они были уже не двумя людьми. Они были полюсами одного магнита, который притягивал тьму.

За окном проплывали пригороды: панельные многоэтажки, частные кирпичные двухэтажные дома, гаражи, заснеженные пустыри, освещённые тусклыми, немигающими фонарями. Артём смотрел на них, но не видел. В голове крутился Круглов. Как тот, должно быть, сидел в таком же вагоне много лет назад, отправляясь в свою первую антарктическую экспедицию. Молодой, циничный, полный надежд. Ещё не знающий, что лёд когда-нибудь отнимет у него всё, что было в жизни: жену, сына, рассудок, а потом и саму жизнь.

— Не спишь? О чём думаешь? — голос Маши был хриплым, каким-то неестественным, вероятно, от недосыпа.

— Не могу. Всё думаю о Круглове. О том, что он сказал. Вернее, о том, что сказало то, что говорило его голосом на кассете. «Найди Книгу Железную» — про какого-то Ефима в тайге? Откуда он знал о ней, Маша? Он в Бога-то не верил, не то что в какие-то древние манускрипты. Он был полным атеистом до мозга костей. Откуда в его голове взялись такие мысли, если он все время работал на станции? Если эта мысль не пришла ему извне?

— Может, она и пришла ему извне, — тихо ответила Маша, не открывая глаз. — Может, в момент контакта он не просто получил знание. Он принял его и стал его частью.

В этом слове «стал» была такая глубина, что у Артёма перехватило дыхание.

— Контакта с чем?

— С тем, что ты называешь шогготом. — Маша открыла глаза, села, поправила выбившуюся прядь волос и взяла из его рук стакан с давно остывшим чаем. — Я всю ночь читала твои заметки по образцу. То, что ты описал: жидкость, которая течёт вверх, частицы, собирающиеся в структуры, реакция на прикосновение... Это не просто минерал, Артём. Это, как интерфейс. Биологический жёсткий диск. Кто-то создал эту штуку, чтобы передавать информацию и образцы. И, мне кажется, Круглов её получил, какую-то информацию. Всю сразу. Одним куском и сразу в мозг. Поэтому его мозг и не выдержал. Его просто выжгло изнутри.

— Ты говоришь так, будто веришь во всю эту ерунду. В Атлантиду, в Древних, в шогготов.

— Я лингвист. Я верю в тексты. А текст твоего кристалла реален. Он существует и написан на языке, который старше любого известного нам. Этого достаточно, чтобы я перестала считать это фантазией.

Он хотел возразить, но в этот момент дверь вагона отъехала в сторону с влажным шелестящим звуком. Воздух стал плотным, тяжёлым. Вошли двое.

Артём пожалел, что не взял билеты в полный вагон, с другими пассажирами. Деньги были, но тратить их он не умел.

У него поперёк горла встал холодный комок, а мышцы спины напряглись от неожиданности и безысходности. Он не знал вошедших людей, но их походка — быстрая, скользящая, с идеально выверенным центром тяжести — говорила: они не случайные здесь пассажиры. Они выглядели как матерые охотники. А он — просто маленькая дичь. Первый был высоким и широкоплечим, с седеющей, неухоженной бородой и лицом, на котором отразился не мороз, а внутренняя, глубокая пустота и тяжесть жизни — та самая, что не оставляет следов на коже, но читается в глазах. Одет он был в поношенный бушлат, пропитанный запахом машинного масла и ядрёного табака. Второй был помоложе, но от его цепкого, пронизательного взгляда хотелось спрятаться под полку или убежать из вагона. Он всё время держал руку прижатой к боку так, словно всегда носил с собой боевое оружие, даже во сне.

— Артём Шаховский? — спросил бородатый. Голос у него был низкий и прокуренный.

Бородатый не спрашивал — он утверждал, как уже всё знал.

Артём не ответил. Медленно, стараясь не делать резких движений, положил вторую руку на столик у себя в купе. В голове мелькнула дурная мысль: разбить окно, вытолкнуть Машку, прыгнуть самому на ходу поезда. Но он отогнал её — мог не успеть, а окно могло не разбиться с первого раза.

Поезд только набирал скорость.

— Я Михаил Рошин, — сказал бородатый, не дожидаясь ответа и без приглашения, тяжело опустился на свободную полку напротив. Металл полки громко скрипнул. — Мы с вашим учителем вместе работали три года назад на том же проекте. Скважина 4-А на станции «Восток».

— Я не знаю никакого Рошина, — резко ответил Артём, стараясь, чтобы голос не дрожал и звучал более уверенно. — Круглов никогда о вас не говорил.

— Потому что меня вышвырнули из науки, вот почему. За то, что я попытался обнаружить находку. А Круглов остался. Ему предложили сделку: он молчит, ему дают работать дальше. Он согласился, но писал мне тайно. В старых блокнотах. Я знаю, что он нашёл на той глубине. Знаю, чем это пахнет. Когда я узнал, что он погиб, — сразу вылетел в Новосибирск. Но вас уже не было.

— Вы из ФСБ? — спросила Маша. Её пальцы побелели на краях стакана.

— Нет, я геофизик, но уже бывший. А он, — кивнул на спутника, — Сергей Волков. Можно просто Серый. Он тоже интересовался скважиной с несколько иной стороны. Совсем с другой.

Волков слегка усмехнулся. Улыбка не коснулась его глаз — они остались прежними.

— Я следил, чтобы ваш Круглов, не свалился куда-нибудь. Не справился., — ответил Волков. Я обеспечивал безопасность, пока меня не отстранили за излишнее рвение в этом расследовании. Я расследовал смерть Круглова. Смерть была очень странной, и у меня было много вопросов. Но дело закрыли через два дня. Слишком быстро, слишком чисто. Все материалы дела изъяли, персонал станции распределили по разным объектам, а тех, кто слишком много болтал... — он выразительно замолчал, и в вагоне повисла тяжёлая, давящая тишина, в которой было слышно, как стучат колёса. — ...уже ничего не болтают. Но я успел скопировать кое-что из материалов дела, до того, как они за мной пришли. Он достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Артёму. Бумага была мятой, пахла хлоркой и старым потом. Это была копия отчёта о вскрытии. В графе «причина смерти» стояло: «Остановка сердца». А ниже, в примечаниях, мелким, неразборчивым почерком патологоанатома: «При микроскопическом исследовании тканей головного мозга обнаружены множественные полости неправильной формы, лишённые клеточного содержимого.

Очагов кровоизлияний не выявлено. Уровень нейромедиаторов (дофамин, серотонин) — ниже предела обнаружения. Структуры коры и подкорковых ядер подверглись тотальному лизису без признаков воспалительной реакции. Заключение: повреждения несовместимы с жизнью, этиология не установлена».

Артём медленно поднял глаза. Во рту у него пересохло так, что язык прилип к нёбу

— Что это значит? — спросил он.

— Это значит, что его мозг был высосан, — тихо сказал Рошин. — Не в переносном смысле, Артём, а в прямом. Всё, что делало Круглова Кругловым, исчезло. Представьте себе деревянный брус, изъеденный жуком-древоточцем. Миллионы микроскопических тоннелей. То, с чем он столкнулся, не убило его тело. Оно выпило его мозг, как сок из пакета, и оставило оболочку.

Маша прикрыла рот рукой, подавляя тошноту.

За окном проплывали тёмные, бесконечные леса, и где-то в их глубине, под толщей снега и вечной мерзлоты, спали древние твари, которые не должны были просыпаться.

— Зачем вы нас искали? — спросила она, и голос её сорвался и дрогнул.

— Потому что вы — следующие в списке на утилизацию, — ответил Волков. — Тот, кто убрал Круглова, теперь охотится за вами и за тем материалом, что он отправил вам перед смертью. Вы думаете, те люди в институте были случайностью? Это были люди из корпоративной службы безопасности «Кеор Интернэшнл». Формально — международная энергетическая компания. Фактически — частная армия, финансируемая деньгами, которые пахнут нефтью, оружием и ещё бог знает чем. Они ищут то же, что искал Круглов. И они не остановятся ни перед чем.

— Почему мы должны вам верить на слово? — спросил Артём.

Роцин посмотрел ему в глаза. Взгляд у него был тяжёлый, мутный, но в нём не было лжи — только та глубокая, неизлечимая жажда отмщения, которая приходит к человеку, когда ему больше нечего терять.

— Потому что я знаю, что вы ищете Ефима и какие материалы вы получили. Я знаю, где искать Ефима, и мы поможем вам, — сказал он. — Круглов писал мне о нём. Он знал, что однажды эта информация понадобится. И просил меня помочь тому, кто придёт за ней.

Артём и Маша переглянулись. Выбора у них не было. Они были одни, безоружны, без связей и без понимания, куда идти дальше. И вот появились двое, которые знали больше, чем они, и предлагали помощь. Это могла быть ловушка, но иного пути не существовало, а может, это были люди их тайного покровителя — кто знает. Роцин усмехнулся в бороду.

— Вот узнаю ученика Круглова. Он тоже был упрямым, недоверчивым и вспыльчивым.

Поезд мчался сквозь черноту тайги, отстукивая колёсами по стыкам рельсов: тук-тук, тук-тук.

Впереди был Архангельск, а за ним — Белое море, заснеженные деревни и староверческие скиты, в которых теплился свет древнего знания, и была тайна, которую нужно было разгадать.

Никто из них ещё не знал, что один из пассажиров этого поезда уже был мёртв.

В пятом вагоне, в том же, где ехали они, в служебном купе полчаса назад заперся проводник поезда — пожилой мужчина с усталыми глазами и больным сердцем. Он зашёл туда, чтобы выпить чаю, как обычно, но уже не вышел. А из-под двери его купе и сквозь щели в полу сочился тонкий, едва заметный запах — смесь озона, разогретого металла и приторной, сладкой вони гнилой плоти и серы.

Из-за закрытой двери доносились звуки и шорох. Не было шагов. Не было вскриков. Оттуда слышался влажный, тяжёлый, чавкающий звук, словно кто-то огромный и бесформенный медленно перемалывал кости. И под ним — низкий, вибрирующий звук, от которого начинали бегать мурашки по спине.

Оно уже было здесь. И оно было голодно.

Глава 4. Тварь в пятом вагоне

Проводника звали Иван Степанович. Ему было пятьдесят восемь лет, и он собирался на пенсию через два года и всегда мечтал о домике на берегу Волги, где можно рыбачить по утрам и не слушать этот бесконечный, сводящий с ума грохот колёс. Он не знал, что умрёт сегодня. И что последним, что он увидит, будет не лицо его жены и не родные берега, а нечто, не имеющее лица вовсе.

Всё началось с чая. Он заварил чай в служебном купе, как это делал уже сотни раз за долгие годы работы. Чай был горячим, сладким, пах мятой. Иван Степанович сделал маленький глоток, посмотрел в окно на пролетающие мимо чёрные ели и вдруг понял, что чай был не только с мятой, а в нём было что-то ещё непонятное. В чае был отчётливый привкус окисленной меди и чего-то кислого.

Он поставил стакан с чаем. Руки задрожали. Он посмотрел на свои пальцы и замер. Под кожей, вдоль вздувшихся вен, что-то там зашевелилось, медленно перетекая от костяшек к запястью. Это не было похоже на судороги. Это были тонкие, маслянистые линии, похожие на жгуты, которые медленно перетекали, вплетаясь в плоть, словно паразитические черви, ищущие

щие нервный узел. Он моргнул, протирая глаза рукавом. Видение исчезло. Он решил, что просто устал. «Померещится же такое», — подумал он.

Но он глубоко ошибался. Его «Я», его сознание, уже медленно тонуло и растворялось в чужом, холодном, жестоком разуме.

Через час, когда он вышел проверять билеты у пассажиров, его походка начала меняться. Он шёл, как обычно, прямо, но движения стали неестественно плавными, словно хрящи и кости в его коленях и лодыжках растворились, и ноги скользили по полу, смазанные чужой студенистой субстанцией.

Иван Степанович двигался, словно змея.

Глаза его, раньше карие и живые, тёплые, теперь затянула мутная, болезненная зелень. Он не моргал. Он вообще перестал дышать. Древняя тварь вошла в него в поисках кристалла-проводника — того самого артефакта, который у него забрала. И теперь шоггот гнался за этим кристаллом.

Как только отправили этот проклятый образец Артёму Шаховскому, живая нить с кристаллом оборвалась. От Круглова осталась лишь пустая телесная оболочка — биологический слепок, подчинённый чужой воле. Шоггот не умел говорить, но он считывал угасающую память плоти. Последний отпечаток сознания, застывший в остывающих нейронах перед тем, как хозяин окончательно исчез, был адресом получателя, тем, кто из себя этот получатель представляет.

Имя Артём Шаховский отныне для него стало единственной целью.

Тварь в человеческой коже медленно подошла, куда надо, скользя. Она подняла одеревеневшую руку, чтобы открыть дверь купе, где был носитель кристалла.

В купе, где сидели Артём, Маша, Роцин и Волков, температура упала за считанные секунды. На стёклах мгновенно намерз узор инея, но это были не привычные снежинки — морозные узоры складывались в острые, похожие на вены фракталы и шестиугольники. Свет в купе стал гаснуть, и он не просто померк — он стал грязно-жёлтым и по ощущениям вязким, словно воздух наполнился мелкой, жирной известью. Стало ощущение, что они спят, но это не было сном.

И запах.

Сначала пошёл озон, резкий, как перед грозой, а следом за ним — тошнотворная, приторная вонь разлагающегося мяса, смешанная с запахом старого, прогорклого жира.

— Чувствуете?? — спросил Роцин. Его голос стал хриплым, а рука медленно, без резких движений, потянулась к поясу.

Волков уже был на ногах. В его руке появился старый, но ухоженный, добротный «Макаров». Ствол смотрел в пол, но палец его лежал на спуске.

— Озон и мертвечина, — процедил Волков, ноздри его раздулись. — Тварь в вагоне!!

— Какая тварь? — Маша вжалась в спинку сиденья, её глаза метались между мужчинами.

— Та тварь, что выпила мозг Круглова, — ответил Артём. Он сжимал рюкзак так, что побелели костяшки. Кристалл внутри стал самостоятельно биться о его бедро, как второе бешеное сердце. — Оно здесь.

Дверь купе медленно раздвинулась, и в проёме возник проводник. Он не вошёл — он влился в купе. Такое было ощущение.

Он двигался рывками, словно марионетка, чьи нити дёргает неопытный, жестокий, безумный кукловод. Лицо его было спокойным, даже умиротворённым, но кожа на щеках и лбу пошла мелкими трещинами, как пересохлая глина. Из трещин сочился тусклый зеленоватый свет, пахнувший больницей и сыростью. И самое главное — это глаза: они горели изумрудным огнём.

— Граждане пассажиры, — произнёс он. Голос не принадлежал Ивану Степановичу. Это был скрежет тёртых друг о друга камней, обёрнутый в мокрую, хлюпающую плоть, и

поверх всего этого — тонкий, многослойный шёпот сотен голосов, говорящих одновременно. — Приготовьте билеты. Поезд прибывает на конечную станцию АментураХЪ. Маша интуитивно поняла это слово на протоатлантском наречии как «Бездонная Пасть» — место, где нет ни прошлого, ни будущего.

— Не стреляй, — быстро, сквозь зубы, сказал Артём Волкову. — Это не он. Это оно управляет им. Тело ещё живое: если убрать паразита, он выживет.

— Какой, к чёрту, паразит?! — рявкнул Волков, но пистолет не опустил. — Эта хрень сейчас нас всех тут порвёт!

Проводник сделал шаг вперёд. Его правая рука, та самая, что ещё недавно держала подстаканник, начала удлиняться. Раздался отвратительный, влажный хруст костей. Кости пальцев ломались и срастались заново за доли секунды, прорывая кожу. Плоть проводника растягивалась, становясь полупрозрачной и чёрной, как нефть. На кончиках пальцев кожа лопнула, обнажая не ногти, а крошечные, пульсирующие рты с рядами игольчатых зубов, из которых сочились капли мутной слюны. «Мхр, мхр», — зазвучало вокруг.

Маша вскрикнула, зажимая рот ладонями. Её глаза наполнились слезами от тошноты и вони вокруг.

Артём, повинаясь не разуму, а какому-то древнему, животному инстинкту, выхватил из рюкзака контейнер. Он сорвал крышку и выставил кристалл перед собой.

Артефакт вспыхнул так ярко, что резало глаза. Зелёный свет залил купе, отбрасывая резкие, пляшущие тени на лица присутствующих. Проводник замер. Его голова дёрнулась в сторону, как будто его ударило током, а из крошечных ртов на пальцах вырвался тонкий, противный визг.

— Оно резонирует с кристаллом, — прошептала Маша, щурясь от света. — Древний кристалл — это, возможно, часть той же системы. Он, видимо, действует как оружие против него.

— Так бей! Быстрее! — крикнул Роцин. Проводник издал звук. Это не было похоже на крик. Это был низкочастотный аккорд, который стал повторяться миллион раз, и от которого заложило уши. Его тело пошло рябью, теряя человеческие очертания. На мгновение Артём увидел его истинную форму: бесформенную, текучую массу с множеством глаз и ртов, в которой, как эмбрионы в формалине, застыли фрагменты чужих воспоминаний. Лицо жены Круглова. Маленькая рука его сына. Собственное лицо Артёма, искажённое агонией.

Кристалл пульсировал, обжигая ладонь ледяным холодом. В этом ритме Артём вдруг услышал слова. Те самые, что Маша расшифровала на записи. «Я возвращаюсь». И ответ — не извне, а из самой глубины его собственного ломающегося сознания: «Ещё нет».

Артём шагнул вперёд и с размаху прижал кристалл, пылающий ледяным светом, ко лбу проводника. Тот взвыл. На этот раз по-настоящему, голосом Ивана Степановича, который где-то там, глубоко внутри, всё ещё был жив и чувствовал, как его сжигают изнутри. Тело проводника выгнулось дугой, позвоночник хрустнул. Из его рта, глаз и пор на коже фонтаном хлынула чёрная, маслянистая субстанция. Она пахла озоном и древней пылью. Жижа ударила в потолок, забрызгала стены, обожгла Артёму лицо ледяным, едким холодом.

Тело дёрнулось в последний раз и рухнуло на пол. Свет в кристалле погас.

В купе снова стало темно.

Только стук колёс поезда продолжал свой ровный ритм.

— Он мёртв? — спросила дрожащим голосом Маша. Она вытирала чёрную слизь с щёк, и её неудержимо тошнило.

— Я не знаю, — ответил Артём, тяжело дыша. Кристалл в его руке был ледяным, но ладонь горела, как после ожога. — Но тварь ушла, как — я не знаю, я чувствовал, как оно отступает.

Рощин присел на корточки над телом проводника и осторожно перевернул его. Лицо Ивана Степановича было спокойным. Трещины на коже затянулись. Но грудь не поднималась. Паразит ушёл, но забрал с собой слишком много. Сердце не выдержало разрыва.

Волков опустил пистолет, вытер со лба холодный пот.

— Я десять лет в разведке, но такого дерьма ещё не видел никогда. Что это была за чертовщина, Шаховский?!

— Шоггот, — сказал Артём, глядя на чёрную лужу, которая медленно впитывалась в обивку сидений, оставляя после себя лишь жирные, чёрные разводы. — Или его фрагмент. Древняя машина, инкубатор, созданная атлантами для переработки материи в другие формы. Она использует живых существ как свои носители, как контейнеры.

— И Круглов?.. — тихо спросила Маша.

— Видимо, Круглов столкнулся с целым шогготом в скважине. И у него не было кристалла. И... — он не закончил.

— «Кеор», возможно, знает, что мы здесь, в этом поезде, и будет нас ждать по прибытии в Архангельск, — сказал Волков, перезаряжая пистолет. Щелчок затвора прозвучал резко.

— Нужно уходить быстро, не доезжая до Архангельска. Выйдем на другой станции.

— У меня возник план, — ответил Рощин, вставая и отряхивая колени. — В городе Котласе живёт мой старый знакомый, он работает егерем. У него есть снегоходы. Он может одолжить нам их. Доберёмся до него, а оттуда — в тайгу, к староверам, и найдём Ефима.

— А если они уже там, эти люди «Кеора»? — спросила тихо Маша.

— Тогда мы опоздали, — просто сказал Рощин. — Но мы должны попытаться опередить их.

Поезд мчался сквозь ночь.

ЧАСТЬ II. КНИГА ЖЕЛЕЗНАЯ

Глава 5. Лихо одноглазое

Котлас встретил их серым рассветом и колючим снегом. Ветер со снегом бил в лицо, и Артём прищурился. На мгновение ему показалось, что они оказались очень далеко от дома — как будто попали на край света. Хотя какой тут, к чёрту, край света. Это была обычная русская зима, просто немного злая и добрая одновременно.

Первым делом они нашли банкомат. Артём снял наличных — столько, чтобы хватило на всю экспедицию, — и молча передал Рошину толстую пачку, стянутую банковской резинкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.